

Понимание и бессилие: экзистенциальный и феноменологический анализ

Елена В. Косилова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, implicatio@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме понимания как обладания и иным возможностям понимания-непонимания. Понимание как обладание проанализировано Сартром, и он же вводит образный термин «пищеварительное» понимание. Это означает, что в процессе понимания мы сами конститулируем смыслы и употребляем их для собственных целей, как мыслительных, так и практических. Понимание и знание являются видами власти. Создание проектов и набросков, о котором говорит Хайдеггер, – это овладение миром. Активность субъекта, о которой говорится в послекантовской гносеологии, подразумевает его стремление создать и понять мир на свой лад. Пищеварительное понимание низводит внешний смысл до ограниченного субъектного смысла и этим вызывает протест. Концепт бессилия вводится как экзистенциальная расположенность: отказ от власти над миром. Одновременно происходит отказ от распространения понимания как пищеварительного отношения к предмету. Полное непонимание невозможно, однако смысл можно принимать как дар, о чем говорит Марион. Марионовский концепт насыщенного феномена в данном случае распространяется на весь мир. Также используется левинасовское учение о Другом, который также оказывается насыщенным феноменом, имеющим свой смысл. Можно провести параллели с суфийским концептом «внутренней тишины» и монашескими практиками. Отказ от власти и борьбы приводит к обретению гармонии с миром.

Ключевые слова: бессилие, понимание, конституирование смысла, пищеварительное отношение, насыщенный феномен, дар, Сартр, Марион, Левинас

Для цитирования: Косилова Е.В. Понимание и бессилие: экзистенциальный и феноменологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 1. С. 31–47. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-31-47

Understanding and powerlessness. An existential and phenomenological analysis

Elena V. Kosilova

*Lomonosov Moscow University, Moscow, Russia,
implicatio@yandex.ru*

Abstract. The article is about the issue of understanding as possession and other possibilities of understanding / misunderstanding. Understanding as possession was analyzed by Sartre, and he also introduces the figurative term “digestive” understanding. It means that while understanding we ourselves constitute meanings and use them for our own purposes, both mental and practical. Understanding and knowledge are types of power. The creation of projects and drafts, which Heidegger speaks of, is the mastery of the world. Subject’s activity, which is spoken of in post-Kantian epistemology, implies his desire to create and understand the world in his own way. Digestive understanding reduces the external meaning to a limited subjective meaning and thereby provokes protest. The concept of powerlessness is introduced as an existential disposition: the renunciation of power over the world. At the same time, there is a refusal to spread understanding as a digestive attitude to the subject. Complete misunderstanding is impossible, but meaning can be accepted as a gift, as Marion says. Marion’s concept of a saturated phenomenon in the case extends to the whole world. Levinas’s doctrine of the Other is also used: the Other turns out to be a saturated phenomenon that has its own meaning. Parallels can be drawn with the Sufi concept of “inner silence” and monastic practices. Refusal of the power and struggle leads to finding harmony with the world.

Keywords: powerlessness, understanding, constitution of meaning, digestive attitude, saturated phenomenon, gift, Sartre, Marion, Levinas

For citation: Kosilova E.V. (2023), “Understanding and powerlessness. An existential and phenomenological analysis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 31–47, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-31-47

Что такое понимание? Нелегко дать ответ на этот вопрос. Много разночтений возникает из-за того, что понимание, так сказать, понимается по-разному. Можно понять математическую теорему, текст на иностранном языке, принцип работы механических часов, переживания своего друга, академическую музыку, самого себя и свой мир. Можно понять или не понять философский текст. Ясно, что это разные типы понимания, задействующие разные

когнитивные и гносеологические механизмы. Я буду говорить о понимании в достаточно широком смысле, как бы это ни было опасно. Все виды понимания объединяются общей чертой: все они происходят «внутри» субъекта. Это, говоря словами Гуссерля, конституирование смысла¹. Наша сознательная жизнь во многом и состоит из понимания. Мы понимаем свой жизненный мир, себя самих и свои планы. Мы «двигаемся всегда уже в некоей бытийной понятливости»². Невозможно «отключить» понимание, поскольку оно предшествует любой мысли.

Это постоянно подчеркивал Хайдеггер в «Бытии и времени», и эта мысль восходит к Гуссерлю. Конституировать смысл и есть понять. Понять означает присвоить себе, интегрировать в свой мир. Гуссерль останавливался на чисто мысленных интерпретациях, Хайдеггер подчеркивал важность действия в мире, возможностей, набросков, проектов. При этом у Хайдеггера бытие в будущем приоритетнее бытия в настоящем, экзистенция – это выступание из себя, вперед-себя-забегание, или, как переводит В. Бибахин, бытии-вперед-себя³.

Что означает понять, помимо нейтрального «конституировать смысл»? Остановимся на этимологии слова: понять происходит от «поймать», «пойть». Это так в русском, а также в романских языках (*comprendre*). В германских не так, однако в них есть синоним – «схватить» (*grasp, auffassen, begreifen*) также в значении понимания. Как и в русском, в английском и немецком можно «схватить» мысль. Когда мы понимаем, мы присваиваем себе, мы начинаем обладать, обретаем власть. Это не только этимологические игры. Понимание имеет глубинную связь с властью. По меньшей мере, когда мы владеем идеей, мы можем многое с ней сделать, повернуть так и этак, проинтерпретировать по-своему. Мы присваиваем себе идею, она делается наша. Мы расширяемся, распространяем свой мир вовне. Чем больше мы понимаем, тем сильнее и свободнее оказываемся перед лицом новых мыслей. Уже не говоря о таких аспектах проблемы, как «знание – сила» (для практических действий в мире).

Чем же это плохо, может спросить человек Нового времени? Да и не только он, к пониманию стремились мудрецы всех веков.

Ж.-П. Сартр говорит:

¹ См.: Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 229 с.

² См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 5.

³ Там же. С. 228.

Именно поэтому желание познавать, каким бы незаинтересованным оно могло ни казаться, является отношением присвоения. *Познание* – это одна из форм, которую может принять *обладание*⁴.

Для такой присваивающей позиции он заимствует у Достоевского уничижительный эпитет «пищеварительная» философия. Познавая мир, накидывая на него сетку собственных категорий и смыслов, мы перевариваем его, то есть, по сути, уничтожаем. Мы ведь иногда так и говорим: «Я эти идеи переварил». Это значит понял и обжил, приспособил к себе и своему миру. Повторю: познать – значит обрести власть. Познать идею – обрести власть над идеей. Познать некую область мира – тоже обрести над ней власть.

Обрести власть – значит стать господином. О судьбе господина исчерпывающе рассказывает Гегель в «Феноменологии духа». Господин больше не связан с миром, он почивает на лаврах. Работают рабы. И в конечном итоге судьба господина печальна. Он теряет контакт с миром, он властвует уже только над рабами, его прежняя власть рассеивается. Властвуя, ты больше не познаешь, ты закрыл себе путь к дальнейшему пониманию, твой мир стал твоим, но перестал быть миром как таковым. Как таковой, мир нельзя ни понять, ни присвоить, ни сделать предметом власти.

Знание и власть

Тему связи знания и власти надо исследовать более пристально.

Прежде всего власть – это широкое понятие, и я тоже буду понимать его широко. Когда Ницше говорил о воли к власти, он уже понимал ее достаточно широко, хотя в основном, конечно, как межсубъектное отношение. Однако достаточно часто комментаторы указывают, что власть у Ницше – это и власть над природой стихиями, и над собой, и над собственной природой [Исаченко 2015]. Власть реализуется, в частности, в науке и искусстве. Здесь ницшевскую волю к власти, надо полагать, следует отождествить с широко понятой энергией жизни. Эта энергия захватывает субъекта и требует, чтобы он, в свою очередь, захватил мир.

Ницше справедливо указывал, что сама по себе воля к власти близка к природной энергии и не является ни плохой, ни хорошей. Далее у него начинается построение собственных ценностей, куда

⁴ *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. С. 583.

я за ним последовать не могу. Я хочу, основываясь на широко понятой власти, проанализировать ее связь со знанием и пониманием.

Есть довольно большой пласт исследований, как власть взаимодействует с наукой. Здесь имеется в виду в основном государственный власть и ее способы организации науки в управляемые институты. Этому посвящены многие работы М. Фуко⁵ и обобщающая книга З.А. Сокулер [Сокулер 2001]. Речь идет фактически о манипуляциях научным поиском, не только посредством прямого администрирования, но и через финансирование и создание привилегий, а также, что еще важнее, через навязывание культурных ценностей, таких как практическая польза. Власть внешних факторов над знанием анализируется и у Т. Куна в учении о парадигмах, и у Д. Блур в его социальном конструктивизме, и т. д.

Однако обратная связь, а именно власть самого знания, учитывается в этом направлении исследований не так часто. В то время как знания, особенно научные, очевидным образом преобразуют мир и овладевают им. Здесь авторитетом будет не Фуко, а Хайдеггер. Именно он проанализировал современный мир через оптику господства техники и «поставы»⁶.

Знание безусловно является видом власти. Во-первых, это власть над миром посредством техники (в том числе гуманитарные технологии).

По большей части мы хотим обладать идеей вещи вовсе не для того, чтобы эту вещь видеть, а лишь для того, чтобы удобнее было ею манипулировать. Мы пользуемся идеей как инструментом [Марион 2014, с. 84].

Во-вторых, это власть над людьми посредством авторитета и позиции эксперта. В любом научном субсоциуме есть критерии допуска новых субъектов, и во многом таким критерием является овладение соответствующим дискурсом. И выносят вердикт эксперты (а также сам дискурс, приобретающий, таким образом, некоторую субъектность). В гуманитарных науках это непосредственно так, в естественных – дискурс нужно заменить на парадигму в куновском смысле. Перетасовывание субъектов с одних позиций в дискурсе на другие происходит вследствие специфического же-

⁵ *Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. 446 с.; *Он же.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.

⁶ *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 229.

лания субсоциума развивать свой дискурс. Например, студенты выбирают научного руководителя, ориентируясь на то, насколько его дискурс (в лекциях, спецкурсах и докладах) кажется им продвинутым – а это обычно значит соответствующим моде.

Здесь видно, какой немалой силой обладает мысль в таких ситуациях, которые выходят за пределы собственно мышления и захватывают социальные расклады. Тем более сокрушительной силой она может обладать в теоретических дискуссиях. При этом важнейшую роль играет упомянутый дискурс, то есть способ выражения мысли. Даже очень правильные вещи, сказанные на немодном языке, остаются незамеченными и забываются перед банальностями, поддержанными модой. Это власть языка.

Есть и еще один аспект: власть субъекта над мыслью и власть самой мысли над миром. Мысли вместе с их субъектом затем овладевают миром. Они его исследуют, выпытывают ответы и охватывают его сеть категоризаций и интерпретаций.

Много об этом сказано в книге В.И. Молчанова «Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания» [Молчанов 2004]. Там с самого начала заявлена важнейшая мысль об агрессивном и неагрессивном сознании. Молчанов прекрасно характеризует некоторый тип деятельности сознания, анализ которого он возводит к Канту:

Сознание – это деятельность, это совокупность сил, внутреннее сцепление которых имеет силу или вмешиваться в реальность, или отражать ее. Сама тема как бы подвергается агрессии со стороны познавательных сил и понятийных систем. Начиная с Канта, сила, «схватывание», синтез становятся основными характеристиками познающего сознания [Молчанов, 2004, с. 24].

Об активности познающего субъекта очень много говорится в современной теории познания, которая со времен Канта уже успела проделать большой путь до радикального конструктивизма. Мир трактуется как созданный субъектом и, естественно, принадлежащий ему. Никто не покушается на стремление субъекта познать мир, спорят лишь о том, как это познание лучше всего организовать.

Субъект отдает мысли немалую часть своих жизненных сил, он ей служит. Это, в принципе, идеальная ситуация ученого и философа. Однако редко когда он избегает соблазна поставить и мысль на службу себе. При этом под «собой» может пониматься не практическая польза от мысли (я написала статью, меня прочитали, я приобрела авторитет и символический капитал). Это может быть перспектива мышления, которая на первый взгляд кажется совер-

шенно бескорыстной. Мысль хочется развивать, из нее хочется сделать выводы. Ее хочется изложить эффектно. Хочется построить если не систему собственного мировоззрения, то по крайней мере некий ансамбль гармонирующих мыслей. Хочется распространить собственную мысль на разные области, более или менее знакомые автору и часто далекие от той области, где мысль первоначально родилась. Это может быть неплохо, но такие увлечения часто приводят к тому, что мысль уже точно принадлежит субъекту, он ей владеет и манипулирует, он делается в отношении к ней господином, он наполняет свою мысль энергией своего увлечения и, грубо говоря, вертит ею как хочет. В математике мыслящий субъект имеет на это право, поскольку он все свои действия со своей мыслью должен формально доказывать. Но такая ситуация только в математике (и в теоретической физике). В философии и тем более в житейских вопросах нет ничего подобного. Овладение мыслью, если оно не сверх-осторожно, ведет к насилию над ней. Здесь на ум приходят не пищеварительные, а сексуальные коннотации: познать, поиметь, овладеть – все эти слова являются синонимами «совершить половой акт с мужской позиции» («Адам познал Еву»). И не всегда этот акт принципиально далек от изнасилования (я не утверждаю, разумеется, что всегда близок).

Пищеварительное и сексуальное отношение к пониманию – это переваривание мысли и овладение ею.

У Сартра нет альтернатив. Альтернативы появляются только в пост-феноменологии, прежде всего с понятием «Другого» у Э. Левинаса и «насыщенного феномена» Ж.-Л. Мариона.

Бессилие как альтернатива власти

Властное и пищеварительное отношение вызывает отталкивание. Как альтернативу ему, я хочу ввести понятие бессилия. Уже достаточно очевидно, что должен быть какой-то антоним к власти, к «пищеварительному отношению к миру».

Как правило, полное бессилие – это опыт преходящий. По сути, это еще не экзистенциальная позиция, а психологическое состояние. Это пиковый опыт, долго в нем находиться нельзя. Однако ведь и Хайдеггер описывает опыт ужаса и тоски как своего рода пиковый опыт. У него тоже нет речи о том, чтобы думать об ужасе все время⁷.

⁷ О том, что ужас редок, см.: *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. С. 190.

Ужас является как одна из сторон многогранного бытия, в ужасе открывается Ничто, которое мы всегда носим в себе. Это, по сути, заложенная в нас будущая смерть. Этим ужас отличается от страха.

Бессилие такой же экзистенциал, как ужас. Обычную слабость мы стараемся преодолеть, мы ищем компенсации, обходные пути. Со слабостью мы стараемся так или иначе работать. Мы развиваем психологические защиты, о которых писали например, А. Адлер⁸ или Ницше и М. Шелер⁹. Очевидно, что они закрывают путь к самопознанию, принятию себя как есть и к какому-либо продуктивному изменению себя. В частности, даже с этой точки зрения надо отдавать себе отчет в том, в чем ты бессилён.

Опыт бессилия выключает конституирование смыслов и построение проектов. Это полное отсутствие власти, а власть, как было указано выше, входит составной частью в знание и понимание. Поэтому в пиковом опыте бессилия понимание невозможно.

Казалось бы, добровольно никто не захочет переживать нечто подобное. Однако я хочу сказать, что отказ от власти и бессилие может быть осознанной экзистенциально-феноменологической позицией. Необходимость ее обдумать возникает тогда, когда сартровское пищеварительное понимание и стремление присвоить себе как можно больше всего перестают удовлетворять. Обнажается их недостаточность.

Ключевая интенция – именно неудовлетворенность властной позицией по отношению к пониманию и знанию. Ведь о почти любом смысле можно сказать, что он превышает субъекта, что его в принципе нельзя переварить всецело. Есть другой способ составлять себе понимание: когда не знаешь, что думать, и не особо стремишься прийти к одному окончательному мнению. Субъект позволяет мыслям свободно приходить ему в голову, разным и противоречивым мыслям. И он позволяет себе не понимать, принимать мир таким, какой он есть, чужим и неосмысленным. Субъект отказывается от власти как стремления прийти к одной «единственно правильной мысли», стремления сделать локаль-

⁸ «Компенсации» – бессознательные защиты от принятия своих недостатков, обычно состоят в развитии каких-то способностей. Например, слабый мальчик, который не умеет драться, становится отличником. Адлер А. Компенсация: борьба за самоутверждение и превосходство // Адлер А. Понять природу человека. М.: Академический проект, 1997. 253 с.

⁹ «Ресентимент» – принятие системы ценностей, в которой бывшие недостатки становятся достоинствами. Он основан на зависти к «настоящим» достоинствам. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / Пер. А.Н. Малинкина. СПб.: Наука: Университетская книга, 1999. 230 с.

ную истину тотальной. Он открывается к противоречащим свидетельствам. Тоталитарное мышление достаточно критиковали философы постмодерна и продолжают критиковать современные философы (в том числе в противоречивой области *gender studies*). Отказ от претензии на власть действует на мышление очень освещающе и освобождающе.

Властные претензии исключаются опытом бессилия. Оно ведет к встрече с миром, каков он есть, бессмысленным и безжалостным. И затем, проходя, оно раскрывает путь к смирению и принятию мира.

Здесь хотелось бы вспомнить Левинаса. Для Левинаса Другой не может и, главное, не должен быть интенциональным предметом¹⁰. Левинас не только экзистенциалист, он религиозный этик. Другой уязвим и незащищен, он взывает к твоей милости. И в то же время он тебя превосходит, он несет в себе неотъемлемую дружость и инаковость, которые ты можешь только принять, но не сможешь понять в значении поиметь, не сможешь переварить и присвоить себе, никогда не получишь в свою власть.

Это прямая дорога к тому, чтобы занять экзистенциальную позицию принципиального бессилия. Здесь бессилие уже перестает быть пиковым опытом, чем-то ужасным и почти смертельным. Занявший такую позицию субъект отказывается от пищеварительной функции конституирования смыслов. Он предстоит другому человеку и миру без намерения захватить их в свою власть. Они для него не интенциональные объекты в гуссерлевском смысле этого слова. Конечно, в том смысле, что он на них смотрит, их как-то воспринимает и, безусловно, что-то при этом все же понимает и думает, они являются интенциональными объектами. Нельзя не думать и не понимать совсем ничего (или, может быть, можно, но не долго). Так или иначе, какое-то сосуществование требует понимания.

Но при этом важно отречься от властной претензии. Другие и мир существуют не для моего господства. Надо вспомнить слова, как ни странно, того же Хайдеггера, только позднего периода: «высвобождающее допущение бытия сущего»¹¹.

Обратимся опять к Мариону. «В царстве феноменов правит не понятие, а созерцание» [Марион 2014, с. 75]. Он довольно специфически трактует Канта, критикует его идею обусловленности

¹⁰ *Левинас Э.* От существования к существующему // Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное / Пер. И.С. Вдовина, Б.В. Дубин. М.; СПб.: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. 415 с.

¹¹ См.: *Хайдеггер М.* О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сб. М.: Высш. школа, 1991. С. 8.

феноменов трансцендентальными условиями опыта. Его главный пример – откровение. Что-то, что выходит за горизонт возможностей. Левинас, говорит он, неправ, говоря, что без горизонта нет феноменологии. Горизонт – это всегда что-то возможное, что нам еще не пришло в голову, но может в любой момент прийти. Надо только обжиться в горизонте и как следует им завладеть (мое слово, у феноменологов его нет). Тогда мы завладеем и самими феноменами, как посредством понятий, против чего возражает Марион, так и посредством своих ожиданий и мысленных привычек. Мы погрузимся в то, что Хайдеггер называет «усредненная бытийная понятливость».

Вот против этого и возникает бунт. Против того, чтобы подвести все под понятия, и даже против того, чтобы обжиться в мире и завладеть им посредством своих привычек и проектов. На определенном этапе духовного роста властная претензия начинает вызывать отвращение.

Бессилие не допускает никаких защит и компенсаций, оно является принципиальным, сознательным отказом от них. В пиковые моменты оно вообще может найти выход только в слезах, и это ценный опыт. Как постоянная экзистенциальная расположенность оно имеет смысл в другом. По сути, это вообще отказ от какой-либо награды, хотя, как мы дальше увидим, у него есть бонусы. Но изначально это мужественная и благородная экзистенциальная позиция отказа. Я отказываюсь присваивать себе мир. Я исключаю себя из числа эксплуататоров и собственников. И речь идет не только о мире, так сказать, политики и предпринимательства. Речь идет об очень глубоком отказе от проектов и интенциональных набросков, без которых невозможно обыденное понимание. Именно эта сторона бессилия интересует меня здесь прежде всего.

Когда Марион говорит о насыщенном феномене, он подчеркивает, что у него нет горизонта и Я его не может конституировать, т. е. осмыслить и понять [Марион 2014, с. 95]. Это две связанные вещи, поскольку осмысление всегда происходит в горизонте, осмысливание и понимание – это связывание одних мыслей с другими (или с образами, или с переживаниями, или представлениями). Здесь нужно добавить, что рядом с пониманием всегда находится интерпретация. Даже простое распознавание образов – передо мной на столе стоит чашка – это интерпретация чашки как чашки и как возможности налить в нее кофе и т. п. Всякое мышление феноменами завязано на практику, на деятельность в мире, что тоже является видом интерпретации. Если же речь, скажем, о чтении текста, то там интерпретация разворачивается очень широко. Всякую мысль мы всегда стараемся перевести на понятный нам наш внутренний

язык. Соотнести с тем, что мы уже знаем. Ясно, что мы почти всегда понимаем однобоко и ограничено. При этом самодовольство от понимания нас не оставляет.

Насыщенный феномен не вписывается в проекты, которыми переполнено наше понимание. Ему не предшествует интенциональный набросок как имеющееся заранее предпонимание, как готовность что-то понять. Марион подчеркивает событийность такого феномена: он разрывает единство опыта. Он, по сути, превосходит понимание. Пафос Мариона в его описании насыщенного феномена направлен именно против того, что Сартр назвал пищеварительным пониманием, пониманием как обладанием. Насыщенным феноменом нельзя обладать. Его нельзя понять. И, разумеется, его запрещается интерпретировать.

Говоря о принципиальной позиции бессилия, я имею в виду, что любой феномен рассматривается как насыщенный. Ничто не понимается, не интерпретируется, не переваривается. Практически это означает отказ не только от власти над миром, но и остановку в нем всяческих проектов. На первый взгляд, для обычного человека это невыносимо.

Собственно, это и недостижимо. Отказаться от власти более-менее возможно, хотя и это требует специально организованного окружающего мира (примерно как в монастыре и очень редко в особо хороших коллективах). Но нельзя ничего не понимать. Можно напоминать себе, что твое понимание ущербно, что все феномены полнее и масштабнее твоего восприятия. Но и тогда сознание непременно сумеет протащить в осмысление мира какие-то наброски, какое-то конституирование и какую-то интерпретацию. Поэтому теоретическое бессилие остается неким идеалом – оставления мира в покое от своего неумного желания овладения.

Бессилие и дар

И тут мы можем найти одну разумную границу между пищеварительным пониманием и полным отсутствием понимания. А именно, это созерцательное отношение к феноменам, отношение к ним как к *дару*. Марион излагает нечто подобное в дискуссии с Ж. Деррида, которая так и называется – «О Даре» [Деррида, Марион, 2011]. Там он проводит мысль, что феномены «даются», это данность, *Gegebenheit*. И как таковые они уже только во вторую очередь конституируются, то есть распознаются, понимаются и интерпретируются. На шаге данности остановиться практически нельзя, но его можно стараться удержать.

Теория дара учит, что феномены должны вести сознание за собой, не давая ему заняться излишним конституированием. И есть надежда, что субъект сможет хотя бы предварительно отделить собственную интерпретацию от того, что ему дает сам феномен. Дар принимать разрешается, это нельзя приравнять к пищеварительному отношению.

В этом смысле Марион часто употребляет термин «созерцание». В «Насыщенном феномене» это у него термин, заимствованный в основном у Канта, во вторую очередь у Гуссерля. В дискуссии «О даре» он употребляет это слово более неформально. Созерцание, говорит он, должно превосходить понятия. Если мы созерцаем треугольник и доказательство теоремы о сумме углов, то понятия соответствуют созерцаниям. Поэтому мы думаем, понимаем, решаем задачу как на уровне понятий, так и наглядно представляя себе геометрическое построение. В математике не место насыщенным феноменам, поскольку нет ситуаций, когда мы что-то созерцаем, а выразить в понятиях не можем. У Мариона насыщенный феномен даже не созерцается полностью и тем более не допускает выражение в понятиях.

Особенно это так в случае текста, с которым обычно работает философ. И здесь позиция бессилия, которую мы принимаем частично, на уровне дара, заключается в том, чтобы прислушиваться к самому тексту, открыться чужим смыслам и идеям, по возможности исключить интерпретацию. Конечно, это не является полным бессилием как отказ от власти. Мы обязательно что-то будем понимать. И скорее всего, мы будем понимать то, что нам близко и соответствует нашим ожиданиям и лежит в русле наших привычек. Тем более если это будет соответствовать нашим симпатиям. С этими постоянными склонностями понимающего сознания можно работать, только стремясь к экзистенциальной позиции бессилия.

Каждый текст может предстать перед читателем целым миром, в который можно войти с открытым сердцем и открытым умом (у англичан есть хорошее слово *openminded*). Правда, это всегда может обернуться опасностью. Тексты бывают разные. Все заслуживают открытого сознания у читателя, но не все заслуживают того, чтобы в их мире жили. Непонятно, в какой момент выносится суждение о том, что данный текст «не мое». Но это максимум, что разрешается подумать.

Имеем ли мы право что-то вынести из текста и как-то это присвоить, сделать своим? Это ведь всегда происходит, и писатели пишут тексты не для того, чтобы остаться непонятыми. Любому автору, наоборот, хочется, чтобы читатели восприняли его идеи, а значит, сделали их своими (правда, иногда это выглядит довольно

страшно). Здесь нам и помогает идея дара. Не переваривая смыслы, мы можем принять их в дар. Это значит, что они, по сути, должны во многом оставаться для нас чужими. Экономика дара, о которой говорят Марион и Деррида, не совпадает с обыденной экономикой. В норме то, что ты получил – твое. Но дар полностью присвоить нельзя, в то же время от него нельзя отказаться. Дар смысла именно так. Он превосходил субъекта при получении и остался таковым после присвоения. Марион относится так к Откровению, а экзистенциальная позиция бессилия относится так ко всем феноменам, то есть ко всему.

Кстати, так рождаются множественные миры у одного субъекта. При отказе от присваивающего понимания он погружается в каждый мир – например, мир Достоевского, Канта, Мейясу и так далее – полным погружением. Он не берет у каждого что-то для себя, переиначивая потом так, что автор не узнал бы себя. Он принимает каждый мир как уникальный и самодостаточный, ведь это насыщенный феномен. Только поэтам и мечтателям дозволяется строить свой приватный мир, который поэты имеют моральное право вынести для обозрения аудитории. Остальным подобает большая скромность. Тем более что поэты часто пишут не от себя, а передают внешние идеи, воспринятые ими по интуитивным каналам (из культуры, языка или свыше). Бессилие предписывает полученные извне идеи сохранять в чистоте, но делиться ими не запрещает.

Выше я говорила, что у бессилия есть не только сторона страдания, но и некие неожиданные следствия, ради которых страдать стоило. Прежде всего субъект приобщается к внутренней тишине. Внутренней тишиной я назвала это состояние, следуя великому мыслителю-суфию Дж. Руми:

Прекрати болтовню! Как жаль, что ты не знаком с внутренней тишиной! Пошлифуй сердце день или два, сделай это зеркало книгой размышления¹².

В повседневном существовании такая тишина всегда и везде практически отсутствует. «Сегодня твой мозг жужжит как фреза», – пел Гребенщиков. И это частое состояние почти у любого мозга. Отказ от власти напоминает монашеские практики. Суфии монахами не были, так как в исламе нет монашества, однако они были явным образом близки монашеским традициям буддизма и

¹² *Руми Дж.* Сокровища воспоминания. Суфийская поэзия / Пер. Л. Тираспольского. М.: ИИФ ДИАС, 1998. С. 64.

христианства. Внутренняя тишина прекрасна сама по себе, как состояние, близкое к мистическому, но еще более Руми прославляет ее как ступень восхождения к созерцанию Бога. Конечно, субъект может не быть религиозным, но если он знаком с состоянием внутренней тишины, он его оценит.

Вообще, отношение к миру при такой экзистенциальной позиции скорее всего придет к построению собственного частного мира. В этом мире будут складываться личные смыслы и образы, без претензии на объективность, но со стремлением к собственной искренности. Это очень продуктивно для поэтов, но вряд ли хорошо для ученых и философов. Мы должны пытаться предстать внешнему миру, все время запрещая себе власть понимания, но как-то встречаясь с миром. Это очень трудно, потому что некоторые аспекты мира обладают разрушительной силой. Насыщенный феномен, такой как откровение, может переформатировать сознание, и не всегда это ведет к искомой гармонии с миром.

Здесь становится ясно, что бессилие вступает в некое диалектическое отношение с силой или, лучше сказать, с бесстрашием, мужеством и твердостью. А именно для того, чтобы осознанно занять позицию, противоположную обладанию, требуется мужество. Собственное бессилие выдержать и принять нелегко. Желание перевернуть мир и обустроить его под себя очень сильно. Также велики соблазны компенсаций. Чтобы принять экзистенциальное расположение бессилия, нужен загодя сформированный внутренний стержень. Бессилие не для слабых. Это парадокс, но это указывает нам на тот способ, каким нужно организовывать собственные силы. Они должны создать возможности для того, чтобы обратиться на самих себя. В конце концов, бессилием тоже надо «овладеть» – единственный незапрещенный вид власти.

Здесь возникает вопрос: к какому самоотношению ведет экзистенциал бессилия? Левинас в очерке «Об избегании»¹³, да и в других своих работах, иногда, как кажется, склоняется к мысли, что надо отменить самих себя, фактически остаться без Я. Мы видели, что бессилие обрушает проектирование, оно оставляет субъекта без планов на будущее. А без проектов и планов субъект ли уже это? Хайдеггер же однозначно указывает, что экзистенция по самой своей сути обращена к будущему (Хайдеггер не говорит о «субъекте», но я имею в виду субъекта в широком смысле). Человек без планирования будущего и человек, отказавшийся от Я, – это очень близкие вещи, почти одно и то же.

¹³ *Levinas E. On escape (De l'évasion) / Transl. by B. Bergo. Stanford: Stanford University Press, 2003. 124 p.*

Обратимся еще раз к Левинасу и проблеме Другого. Для Левинаса Другой – это никоим образом не нечто постижимое, не нечто мыслимое. Другой инаков. Он не является интенциональным предметом, потому что я не уполномочен конституировать для себя его «СМЫСЛ».

Ближний – это как раз то, что непосредственно обладает смыслом, прежде, чем он бывает ему придан. Но то, что обладает смыслом подобным образом, возможно лишь в качестве Другого, того, кто имеет смысл прежде, чем его наделили им¹⁴.

Я могу стараться понять Другого, без попыток понимания никакого взаимодействие людей невозможно. И в то же время он остается для меня внешним и непостижимым и всегда должен таким оставаться. Первое отношение к Другому – этическое, а не познавательное. Другой вызывает к любви, а не к мышлению. В этом Левинас фактически стоит на той же позиции, которую я обозначила как бессилие. Пищеварительное отношение к Другому – вот чему он, по сути, больше всего сопротивляется.

Заключение

Бессилие – это бытийное расположение человека, которое является противоположностью власти. Власть оказывается очень широким понятием, в том числе и понимание, и конституирование проектов бытия в мире – все это формы власти над миром. Введенный в статью концепт бессилия противопоставлен «пищеварительной» (Сартр) феноменологии конституирования смыслов и проектов. Человек, осознанно принявший позицию бессилия, отказывается от всякой власти, а тем самым и от понимания, и от проектирования. Это трудный путь, однако на нем можно обрести гармонию с миром, научиться принимать мир как он есть и Другого в его инаковости.

Источники

Адлер А. Компенсация: борьба за самоутверждение и превосходство // Адлер А. Понять природу человека / Пер. Е.А. Цыпина. М.: Академический проект, 1997. 253 с.

¹⁴ Левинас Э. Указ. соч. С. 341.

- Гуссерль Э.* Картезианские медитации / Пер. И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
- Деррида Ж, Марион Ж.-Л.* О Даре // Логос. 2011. № 3 (82). С. 144–171.
- Левинас Э.* От существования к существующему // Избранное. Тотальность и бесконечное / Пер. И.С. Вдовина, Б.В. Дубин. М.; СПб.: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. 415 с.
- Руми Дж.* Сокровища воспоминания. Суфийская поэзия / Пер. Л. Тираспольского. М.: ИИФ ДИАС, 1998. 178 с.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. В.И. Колядко. М.: Республика, 2004. 639 с.
- Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. С. Табачниковой. М., 1996. 446 с.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
- Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 445 с.
- Хайдеггер М.* О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высш. школа, 1991. 190 с.
- Хайдеггер М.* Проселок // Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. 527 с.
- Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / Пер. А.Н. Малинкина. Санкт-Петербург: Наука: Университетская книга, 1999. 230 с.
- Levinas E.* On escape (De l'évasion) / Transl. by V. Bergo. Stanford: Stanford University press, 2003. 124 p.

Литература

- Деррида, Марион 2011 – *Деррида Ж, Марион Ж.-Л.* О Даре // Логос. 2011. № 3 (82). С. 144–171.
- Исаченко 2015 – *Исаченко Н.Н.* Философия воли к власти // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18166> (дата обращения 29 января 2023).
- Марион 2014 – *Марион Ж.-Л.* Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2014. С. 63–99.
- Молчанов 2004 – *Молчанов В.И.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Колеров: Три квадрата, 2004. 326 с.
- Сокулер 2001 – *Сокулер З.А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. Санкт-Петербург: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. 238 с.

References

- Derrida, J. and Marion, J.-L. (2011), “On the Gift”, *Logos*, no. 3 (82), pp. 144–171.
- Isachenko, N.N. (2015), “Philosophy of Will to Power”, *Modern Problems of Science and Education*, no. 1-1, available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18166> (Accessed 29 January 2023).
- Marion, J.-L. (2014), “Saturated Phenomenon”, *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [Saturated Phenomenon. (Post)phenomenology in France and Abroad], Sholokhova, S.A., Yampolskaya, A.V. (comp.), Akademieskii proekt, Gaudeamus, Moscow, Russia.
- Molchanov, V.I. (2004), *Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya* [The Differentiation and Experience. The Phenomenology of Non-Aggressive Consciousness], Kolerov, Tri kvadrata, Moscow, Russia.
- Sokuler, Z.A. (2001), *Znanie i vlast': nauka v obshchestve moderna* [Knowledge and Power. Science in the Modern Society], Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Косилова, доктор философских наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Москва, Ленинские горы, учебный корпус «Шуваловский»; implicatio@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Kosilova, Dr. of Sci. (Philosophy), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Shuvalovsky building, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; implicatio@yandex.ru